

16. *Махциева Н. С.* Формирование первых профсоюзов Северной Осетии: экономические и политические предпосылки // Известия Уральского государственного университета. — 2008. — № 59. — С. 83–91.
17. *Орлов П. А.* Становление системы социального обеспечения горнозаводского населения на Южном Урале в пореформенный период, 1861–1903 гг.: дисс... канд. ист. наук. — Челябинск, 2000.
18. *Путилова М. В.* Казенные горные заводы в период перехода от крепостничества к капитализму. — Красноярск, 1986.
19. *Тигранов Г. Ф.* Очерк деятельности горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников за 1881–1893 гг. // Горный журнал. — СПб., 1895. — № 1. — С. 42–141.
20. *Тигранов Г. Ф.* Очерк деятельности горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников за 1894–1896 гг. // Горный журнал. — СПб., 1897. — № 11. — С. 246–271.
21. *Тигранов Г. Ф.* Очерк деятельности горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников за 1897–1901 гг. // Горный журнал. — СПб., 1902. — № 12. — С. 311–373.
22. *Фельдман М. А.* Стимулы к труду рабочих промышленности Урала в первые десятилетия XX в. // Экономическая история. Обзорение. — М., 2006. — Вып. 12. — С. 38–48.
23. *Четин В. Е.* О горнозаводских товариществах на Златоустовских заводах. // Восьмые Бирюковские чтения. — Челябинск, 1988. — С. 33–36.

УДК 94(470.5)

Е. Ю. Казакова-Анкаримова¹

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УРАЛЬЦЕВ В НАЧАЛЕ XX в.²

Ключевые слова: *регионоведение; регион; региональная идентичность; Урал; Уральская область; уральцы; общественное сознание; идеология; областничество.*

Аннотация: *в статье анализируются исторический опыт идентификации Уральского региона, истоки формирования регионального самосознания уральцев, особое внимание уделяется феномену уральского областничества.*

¹ Казакова-Анкаримова Елена Юрьевна — д.и.н., Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург).

E-mail: istor@uran.ru.

Kazakova-Apkarimova Elena — Institute of History and Archaeology Russian Academy of Science, Ural's branch (Russia, Ekaterinburg)

² Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Урал в системе российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)».

Е. Kazakova-Аpkarimova

**THE URALS REGIONAL IDENTITY
IN THE EARLY XX CENTURY**

Keywords: *Regional studies, region, regional identity, Ural, Ural province, the Urals, social consciousness, ideology, regionalism.*

The historical experience of the identification of the Urals region, the origins of the regional identity of the Urals are analyzed in this article, special attention is given to the phenomenon of the Ural regionalism (oblastnichestvo).

Региональные идентичности в России (в частности, уральская идентичность) все чаще становятся предметом исследования представителей различных гуманитарных наук (социологов, политологов, культурологов, историков и филологов), заставляя задуматься о возможности межрегиональных исследовательских подходов и синтеза знаний. Классик социологии П.А. Сорокин полагал, что из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Ученый писал: «Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь». В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы “ярославца”, “помора”, “сибиряка” и т.п.» [3, с. 210, 213]. Современный исследователь Е.В. Еремина, придерживаясь социологического подхода, считает наиболее адекватным определение региональной идентичности как результата когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона [1]. В современных исследованиях встречаются и другие подобные дефиниции. Например, Г.С. Корепанов, используя социокультурные и социоэкономические подходы, под региональной идентичностью понимает «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности «своей» локальной общности, формирующие практическое чувство (сознание) территориальной принадлежности индивида и группы». В его интерпретации «региональная идентичность выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, через которую целый регион становится институционализированным в определенном сообществе» [2, с. 276–277].

В регионоведении (ураловедении), выполняющем профессиональную функцию регионального идентификатора, значительное внимание уделяется исследованию особенностей региональной идентичности. Проблема региональной идентификации приобрела особую актуальность в процессе создания федеральных округов в 2000 г., в некоторых случаях преобразования привели к нарушению региональной идентичности. По мнению Р.Ф. Туровского, с одной стороны, это «еще раз свидетельствует об отсутствии в России ясных внутренних границ с исторической традицией», а, с другой стороны, очевидно, что сам макрорегиональный уровень идентичности стал в России реальностью, с чем связана и борьба регионов за восстановление «правильной» идентичности (например, уральской или южной) [4, с. 154–155]. В составе Урала, например, оказалась Тюменская область, которая исконно ассоциировалась с Сибирью (а теперь с Зауральем). Много споров спровоцировало отнесение регионов к западу от Урала к Приволжскому округу. В итоге Башкирия, Пермская и Оренбургская области на политико-административном уровне утратили уральскую идентичность. Некоторые исторические основания pro and contra здесь имеются, о чем свидетельствует опыт идентификации Уральского региона в схемах районирования XIX в. и традиции районирования советских экономистов. Еще ученые конца XIX в. обнаруживали взаимосвязи, сходство между собственно уральскими и поволжскими территориями, объединяя их в единый макрорегион, выделяя в его составе подрегионы (или регионы). Внутри же особого уральского «пространства» обнаруживались территориальные подтипы (Северо-Уральский и Южно-Уральский) [5, с. 26].

Региональная идентификация в России – явление историческое, непосредственно зависящее от истории и географии страны в целом, политико-административных реформ в государстве. Каждая конкретная модель региональной идентичности непосредственно зависит от истории освоения регионального пространства в социокультурном и экономическом отношениях, административного закрепления региональных границ. С одной стороны, это свидетельствует об изменчивости и подвижности данного феномена, а с другой – о значимости культурного и идеологического континуитета, важности анализа феномена региональной идентичности в предшествующие эпохи.

Уральская идентичность, обусловленная самобытностью Уральского региона (в естественно-географическом, природно-ресурсном, социально-экономическом, административно-политическом, демографическом и социокультурном отношениях), на протяжении всей его истории была

важной чертой общественного сознания. Наличие у уральцев развитого регионального самосознания, которое в значительной степени подпитывается дореволюционной символикой и богатым историко-культурным (в том числе индустриальным) наследием. Важно проследить исторические этапы в процессе формирования Урала и уральской идентичности. В этой связи можно выделить следующие исторические вехи: этап первоначального хозяйственного освоения региона и формирование первых представлений об Урале; период интенсивной промышленной колонизации, научного изучения Урала и развития региональной литературы; формирование идеологии уральского областничества (в 1918 г.); создание Уральской области (в 1923–1934 гг.); «вторая жизнь областнических идей» в новых исторических условиях противостояния федеральной власти и попытки реализации проекта Уральской республики в 1993 г.; эволюция региональной идентичности на современном этапе. В данной статье предполагается уделить особое внимание эволюции региональной идентичности в начале XX в., формированию идеологии уральского областничества (идее автономного развития региона в составе российского государства).

В условиях спокойствия и стабильности региональная идентичность проявляется преимущественно в социокультурном плане, в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей того или иного региона. В исторические периоды ослабления или кризиса национальной или гражданской идентичности региональная идентичность получает политическое звучание, что и происходило в российском обществе в 1917–1918 гг.

Феномен уральского областничества можно рассматривать и как идеологию, и как общественное движение. Центром уральского областничества стал Екатеринбург. 18 октября 1918 г. в Екатеринбурге состоялось совещание местных политических и общественных деятелей по вопросу об организации «Общества изучения Урала» (общества уральских областников). Сторонники этой идеи полагали: «Возрождение России мыслимо лишь тогда, когда каждая область сознает самое себя, будет хорошо знакома со своим родным краем и будет управляться местными людьми. Найдя в себе самой достаточные силы для возрождения, каждая из областей станет опорой уже общероссийского государственного строительства в целом. Исходя из этих соображений, уральцам надо узнать, изучить свой край, стать самим хозяевами его». Для этого и предполагалось создать соответствующее общество. Основной задачей общества провозглашалось развитие идеи областничества и распростра-

нение ее на Урале. Предусматривалось многостороннее освещение идеи областничества: «со стороны естественно-исторической, общественно-политической и хозяйственно-экономической».

Один из местных идеологов областничества М.Е. Ерошкин настаивал на привлечении к этой работе широких общественных сил, прежде всего интеллигенции (независимо от ее политических пристрастий). Таким образом, сами областники подчеркивали свою «надпартийность». Они считали актуальным: «разработку вопроса о государственно-правовом положении Урала, как областной единицы, подготовку материалов к установлению конституции Урала в соответствии с основами федеративного государственного строительства». Практическая работа общества заключалась в популяризации идеи областничества путем лекции, докладов, пропаганды на местах и в печати. Во Временный Комитет по учреждению общества изучения Урала были избраны 5 человек, на которых возлагалась подготовка устава общества уральских областников¹.

В местной прессе стали активно писать об идее областничества. Один из известных идеологов уральского областничества И.С. Кожухов в статье «Об областничестве», опубликованной в газете «Урал», утверждал: «Право Урала на автономию не может оспорить никто: оно не меньше, чем право других областей громадной России. Все условия для этого налицо: и географическое положение, и экономические особенности и своеобразный характер социальных отношений». Автономия характеризовалась им как необходимое условие и «залог культурного и экономического развития Урала», что способствовало бы росту экономического могущества всей России. Успешное развитие региона областники связывали с идеей эффективного местного самоуправления в лице Уральской областной думы². Ее созданию должно было предшествовать создание Уральского областного правительства, как временного органа. Подчеркивалось, что власть Уральскому правительству будет принадлежать только до создания Уральской Областной Думы, которую предполагалось созвать «в самом непродолжительном времени». 8 августа 1918 г. определился состав Уральского правительства³.

В докладе «о границах области Урала с точки зрения административного управления», поданном главноуправляющим по внутренним делам в Совет Временного Областного Правительства Урала, говорилось: «Идея образования автономных единиц, ее широкое распространение

¹ Урал. 1918. 17 (4) ноября. № 1. С. 4.

² Зауральский край. 1918. 9 августа. № 11. С. 2.

³ Там же. 10 августа. № 12. С. 2.

среди населения России объясняется не только желанием населения той иной территории жить по своим законам, отвечающих духу и разуму народа, но также диктуется необходимостью разделения России в смысле рациональной постановки административного управления. Невозможно управлять из одного Центра такой колоссальной территорией, какой является Россия». В докладе подчеркивалось, что мысль об автономии живуча и имеет «глубокую культурно-экономическую базу». Главное Управление Внутренних Дел предлагало руководствоваться при определении границ области не только «национально-культурно-экономическими соображениями», а «быть может, больше всего» соображениями государственными. В докладе признавалось наличие смежных с уральским пространством крупных административных единиц (Сибирь и объединенных Самарским Правительством центральных губерний), но «не принимались во внимание самоуправляющиеся единицы, какими являлись казачьи и башкирские земли», подчеркивалась недопустимость «с точки зрения общегосударственных интересов дробить Россию на множество мелких автономных единиц».

Намечая «территорию ядра» Уральской области, докладчик обозначал следующие территориальные границы: вся Пермская губерния, три уезда Вятской (Глазовский, Сарапульский и Слободский), три уезда Уфимской (Уфимский, Златоустовский и Стерлитамакский) и три уезда Оренбургской губернии (Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский). Далее в документе отмечалось, что «с областнической точки зрения» можно было бы ограничиться указанной территорией. Уральские областники полагали, что с государственной точки зрения устройства российского государства на федеральных началах (создания немногих, но сильных автономных единиц) следовало сформировать Область Урала «такой, чтобы она дала максимум производительности в интересах всего государства». Следовательно предлагалось расширить ее границы: на юге дополнить всеми остальными уездами Уфимской и Оренбургской губерний, на востоке отодвинуть границу до р. Оби, охватив Курганский, Ялуторовский, Тюменский, Туринский и часть Березовского уездов, на севере включить в область полуостров Ямал, острова Новой Земли. Северо-западная граница должна была пройти от «точки соединения Пермской губернии с Вятской на Усть-Сысольск и, охватив весь Тиманский хребет, выйдет на южную часть Ческой губы». К области предлагалось присоединить и остров Колгуев. В заключение доклада акцентировалась мысль: «главной задачей Правительства Урала должно быть создание единой великой России, а не конгломерата маленьких

государств и притом зараженных идей сепаратизма, что будет вполне возможно, если строительство России пойдет по пути удовлетворения национально-групповых вожделений»¹.

Идея «Большого Урала» спустя несколько лет (в 1923 г.) уже в других исторических условиях была положена в основу создания Уральской области.

Уральские областники уделяли внимание проблеме взаимоотношений Урала и Сибири. Газета «Урал», ставшая рупором Временного комитета по учреждению Общества уральских областников – автономистов, отражала на страницах деятельность его активистов и занималась популяризацией их идей². В одном из номеров повествовалось о докладе С.А.Груздев на тему: «Урал и его будущее», прочитанном 12 октября 1918 г. в зале Народного Университета. Обращалось внимание на то, что докладчик «горячо нападал на Сибирь, обвиняя ее в захватнических тенденциях»³.

К. Носилов в статье «К автономии Урала» опровергал точку зрения о том, что Уральский хребет – граница автономной Сибири. Он писал: «...Уральский хребет никогда не может быть границей Сибирской автономии, как бы ни велика была эта последняя, где бы она ни искала себе границ на западе, востоке, севере и юге: Урал слишком оригинален, самобытен, самостоятелен, уже по своему только географическому положению, его экономическая жизнь сложилась так, что она совершенно не походит на таковую Сибири, его население ничего не имеет общего с населением Сибири и центральной России, а его горный промысел, горнозаводская деятельность даже чужды последним. Это, действительно, что-то откованное словно самой природой для самостоятельности, поставленное на рубеже Европы и Азии...»⁴

Обосновывая автономию Урала вообще и независимость от Сибири в частности, К. Носилов подчеркивает: «Смешивать, сливать их невысказано, потому что горнозаводская промышленность никогда не сольется земледелием и скотоводством, потому что горы Урала никогда не сольются с равниной центральной России и степями Сибири, потому что молот уральского рабочего ничего не имеет общего с сохой пахаря и плетью скотовода». Таким образом, отстаивая идеи экономического фе-

¹ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 1951 рс. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–41.

² Урал. 1918. 17 (4) ноября. № 1. С. 6.

³ Там же. 19 (6) ноября. № 2. С. 4.

⁴ Там же. 24 (11) ноября. № 7. С. 5.

дерализма этих двух разных регионов, К. Носилов подчеркивал промышленную специфику Урала, противопоставляя ей приоритетное аграрное и сырьевое развитие Сибири.

Рассуждая о природных богатствах Урала и Сибири, он полагал, что и с этой точки зрения «слияние, хотя бы с Сибирской автономией, для него (Урала – *Е. К.*) невыгодно»: «Урал слишком богат своими естественными богатствами и ограничен в своих пределах, тогда как Сибирь автономная расплылась на целый почти материк, и затерялась в Алтайских горах, в Ледовитом океане, в амурских урманах и тундрах Севера, а ее естественные богатства, быть может, даже превосходят богатства его, но оне так далеки, раскинуты на такие расстояния, что уже одно это уменьшает и сводит на нет их значительность и ценность». Можно видеть, что в ряде случаев этому яркому стороннику уральской автономии не удалось уйти от преувеличений и крайностей. Так, далеко небеспристрастную сравнительную характеристику дает он уральцам и сибирякам: «...население у одного (региона- Урала – *Е. К.*) сжатое в тесный комок, интенсивное, сильное, деятельное, богатое, у другой (Сибири – *Е. К.*) – разбросанное, жалкое, дикое, непрогрессирующее и потонувшее в лесах, пространстве, или в лучшем случае растянутое тонкой ленточкой вдоль рельсового великого сибирского пути и рек и затерявшееся повсюду».

Вся статья, как и главный вывод К. Носилова о том, что «Урал должен быть только Уралом, имея свою автономию, независимую от прочих. ...Связанный крепко рельсовыми путями, усиленный громадною площадью горнозаводской деятельности, питающий и питающийся соседними областями, производительный самостоятельный. Сильный, он должен быть звеном двух громадных областей – Центральной России и Сибири, каким создала для этого сама природа»¹, свидетельствуют о глубоком патриотизме и вере в могущество своего края и его будущее.

Можно видеть, что в начале XX в. региональное самосознание уральцев заметно окрепло и приобрело политический оттенок. Отстаивая собственную автономию, уральские областники при идентификации Уральского региона уже четко отделяли собственно уральское пространство от сопредельных поволжских и сибирских территорий.

Библиография

1. *Еремина Е.В.* Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. № 3. С. 216–222.

---

¹ Урал. 24 (11) ноября. № 7. с. 5.

2. *Корепанов Г. С.* Региональная идентичность: социокультурный и социально-экономический подходы // Известия Уральского государственного университета. — 2009. — № 3(65). — С. 276–284.
3. *Сорокин П.* Система социологии. В 2-х томах. — М., 1993. — Т. 2.
4. *Туровский Р. Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. — СПб: Геликон Плюс, 2003. — С. 139–173.
5. Урал в панораме XX века. — Екатеринбург: Издательство «СВ-96», 2000.

УДК 342.2+352

М. В. Назукина¹

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере городов Соликамска и Кунгура Пермского края)

Ключевые слова: *идентичность; городская идентичность; локальная политика; политика идентичности; Пермский край.*

Аннотация: *в статье предложены индикаторы для исследования политики идентичности в городском пространстве. На примере двух городов Пермского края рассмотрены направления политического курса по конструированию локальной идентичности.*

M. Nazukina

IDENTITY POLITICS ON THE LOCAL LEVEL (on the example of cities of Solikamsk and Kungur of the Perm region)

Key words: *Identity; the city's identity; local politics; identity politics; the Perm region.*

The paper proposes indicators for studies identity politics in the urban space. On the example of the two cities of Perm Krai discussed the directions of the political course on the design of local identity.

Одним из благоприятных факторов, способствующих формированию городского режима, британские исследователи П. Джон и Э. Коул выделили наличие достаточной коллективной идентичности, необходимой для объединения усилий публичных и частных акторов. При этом режимы чаще формируются в городах, которые обладают уникальностью и своеобразием. Это толкает локальную элиту к проведению политики ис-

¹ Назукина Мария Викторовна — к.полит.н., научный сотрудник Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

E-mail: nazukina@mail.ru.

Nazukina Maria Viktorovna — Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Urals Branch of Russian Academy of Sciences, Perm.